

Музеи церковных древностей и проблема их сохранения

И. К. Чиркова

Через историю спасения митрополичьего двора в Ростове Великом и создания в бывшем Архиерейском доме Музея церковных древностей предпринята попытка показать неправомерность действий современных церковников и государственных чиновников по изгнанию сложившихся музеев из культовых комплексов.

Уже больше столетия назад ростовцы, изменив функцию брошенных профессиональными служителями церквей и других памятников, создали в них музей и дали возможность самой широкой аудитории (специалисту, любителю вне религиозной принадлежности) приблизиться к общему духовному национальному достоянию.

Ключевые слова: музей, культовый памятник, Ростовский музей церковных древностей.

Church Antiquities Museums and a Problem of Their Keeping

I. K. Chirkova

Through the history of reprieve the metropolitan court yard in Rostov the Great and making in the former Bishop house the Museum of Church Antiquities an attempt is undertaken to show illegitimacy of actions of modern churchmen and government officials on exile of the well-established museums from cult complexes.

More than a century ago Rostov citizens, having changed the function of the churches abandoned by professional attendants and other monuments, created there the museum and gave the chance to the widest spectator (to the expert, the fan out of religious belonging) to resort to the general spiritual national property.

Key words: a museum, a cult monument, the Rostov Museum of Church Antiquities.

В последние годы все мы стали свидетелями ожесточенного противостояния важных социальных институтов нашего общества: церкви и музея.

Так исторически сложилось, а советский период – это уже часть истории нашей страны, что многие краеведческие музеи в древних городах России находятся в культовых комплексах или отдельных памятниках.

У большинства христианских стран и народов такое сосуществование не вызывает неприятия. Музей и церковь мирно уживаются под одной крышей, а у верующих не возникает стремления во что бы то ни стало отобрать у музеев крупнейшие памятники архитектуры и изъять из музейных собраний культовые артефакты, имеющие историческое, культурное и художественное значение.

Сложность и неоднозначность нашей истории и истории нашего музейного дела сегодня привели к тому, что сама правомерность существования музеефицированных культовых памятников поставлена под вопрос. Если сравнительно недавно общественное мнение не было ориентировано на жесткий и однозначный выбор – *музей* или *храм*, то сейчас в результате однобокой, агрессивной информационной политики большинство говорит: «Однозначно – храм». Примеров, когда сложившиеся работающие огромные по масштабам музеи чуть ли не в одночасье выселяются (выгоняются) из памятников не только культовых, но одновременно историче-

ских, памятников культуры в широком и глубоком смысле этого слова, очень много. Наши соседи-костромичи уже пережили и продолжают переживать подобную драму, лишившись десятилетиями складывавшегося, известного своими коллекциями и плодотворной работой с посетителями далеко за пределами области краеведческого музея в стенах Ипатьевского монастыря.

«Уничтожение “музеальности” многих культовых памятников, возвращение их из особой музейной среды в среду бытования (пусть самую благоприятную, высокодуховную) грозит многими невосполнимыми потерями нашей культуре» [1].

Это относится не только к зданиям, но и к музейным предметам – подлинным экспонатам культового характера.

Сегодня вероятна ситуация, когда в стенах музея начнут появляться такие «экспозиции», где не будет музейных культовых реликвий. Вероятность передачи всех их церкви очень велика. Неужели будущее экспозиций древнерусского искусства – существование без подлинных экспонатов?

Именно сейчас нужно сделать все, чтобы музеи древнерусской истории, древнерусского искусства не превратились в лектории, видеосалоны и т. д.

Нынешние профессиональные служители культа, как нам кажется, намеренно забывают о том, что профессиональные музейные работники, часто с риском для жизни, сохранили, сберегли,

ввели в научный оборот многие культовые памятники.

Чтобы не быть голословными, обратимся к истории создания в Ростове Великом Музея церковных древностей.

Наш районный центр Ростов известен в досоветском прошлом как центр религиозный – своеобразный русский Ватикан. Воплощением религиозного могущества Ростова в камне является Архиерейский дом. Его строительство велось с 1660-х гг. в течение тридцати лет. Он предназначался для постоянного проживания ростовских Архиереев. Здесь находилось 5 церквей, 11 башен, жилые покои, административно-хозяйственные и другие постройки. Все эти здания объединили мощные стены, высотой 10–12 м и толщиной 2 м, с переходами, которые растянулись почти на километр [2]. Это был город в городе, со своими законами, правилами, ритуалами. Жизнь в нем кипела до конца XVIII века.

Ростовская драма началась в 1777 г., когда в Ярославле стали строить новый Архиерейский дом, а спустя 11 лет кафедра ростовской митрополии переехала в Ярославль. Обозначенные выше здания утратили свою первоначальную функцию. Опустевшие и брошенные сооружения были поделены между гражданским и церковным ведомствами. Первому отошли Самуилов корпус, Белая и Красная палаты, подклеты церковью Спаса на Сенях и Иоанна Богослова, а второму – церкви Григория Богослова, Одигитрии, Воскресения и другие строения по восточной и южной стенам [3]. Новые хозяева меньше всего заботились о сохранении архитектурного ансамбля. Не зная, что с ним делать, они стали сдавать помещения в аренду [4]. Церкви, еще вчера принимавшие в своих стенах прихожан, без революций и политических переворотов превратились в соляные и винные склады и ледники.

Хочется особо подчеркнуть, что сами церковнослужители в этих зданиях уже не видели не только уникального архитектурного памятника, но и христианской святыни.

Так, в 1807 г. по прошению протоиерея Успенского собора Ярославский архиепископ решил разобрать церкви Григория Богослова и Иоанна Богослова на кирпич, необходимый для строительства придела Успенскому собору [5]. К счастью или по промыслу божьему, этому проекту не удалось осуществиться. На защиту храмов встала ростовская общественность в лице членов городской думы. Как оказалось, ростовцы более церковников почитали свои святыни, и в трудное время предложили возобновить на собственные средства пять Архиерейских церквей «ради укра-

шения города» [6]. Но среди тех же горожан зрели и другие планы. Инженер путей сообщения Бетанкур по заказу ростовского купечества разработал проект строительства Гостиного двора на тысячу лавок. Торговый центр должен был занимать площадь заброшенного Митрополичьего двора. Предполагалось снести Красную и Белую палаты, Князьки терема, Садовую башню, Самуилов корпус, Дом на погребях и часть стен [7]. На реализацию этой затеи было собрано 756 тысяч рублей, но бессмертные чиновники развалили проект, чему способствовала «имеющая худую славу» волокита: ведомства не сошлись в цене. В результате затянувшейся переписки забылась сама губительная идея [8].

Тем не менее, оставшиеся без должного попечения постройки ветшали, разрушались. В величественных зданиях бывшего Митрополичьего двора мало-помалу вселяется «мерзость и запустение» [9]. В декабре 1824 г. Ярославский губернатор А. М. Безобразов предложил ростовцам во имя благих целей спасения памятников ежегодно собирать по 5 тысяч рублей на их восстановление. Первой решено было реставрировать церковь Иоанна Богослова. Были выделены средства на ремонт и составлена смета, но никто из строительных подрядчиков за такие деньги к работе не приступил [5].

После неудавшейся попытки реставрации памятники продолжали разрушаться. «От внешних влияний стены... стали давать трещины, а на остатках полуразрушенных сводов вырастали даже деревья...» [9]. Красная палата потеряла свой первоначальный вид в 1840 г., когда был разобран второй этаж красивейшего и уникального сооружения. Это отзывалось острой болью в сердцах истинных патриотов города: «Сегодня... осматривал я здание, принадлежащее прежде Ростовскому Архиерейскому дому... Ныне его разбирают, на месте же том устраиваются будут магазины для склада вина. Грустно мне видеть уничтожение более чем векового здания, которое без всякой поддержки в продолжение слишком полувека не только противилось от времени разрушению, но еще как бы укреплялось само собою... С большими усилиями работники разрушали его по частям. В особенности мне жаль стало так называемую Красную Палату... Не могу удержаться от слез...» [10].

Новый этап взаимоотношений горожан и погибающих памятников начинается с 1860-х гг. Инициатива исходила от ростовского купца И. И. Хранилова, а его помощниками и основными жертвователями стали почетный гражданин купец Плешанов и ростовский мещанин

М. А. Хлебников. Им удалось сделать вновь действующими церкви Иоанна Богослова, Одигитрии, Воскресения, Спаса на Сенях, Григория Богослова. К великому сожалению, в связи со смертью в 1866 г. И. И. Хранилова работы были приостановлены. Несмотря на частичное восстановление, многие памятники находились по-прежнему в аварийном состоянии. Но горожане увидели преобразования, происходившие в бывшем Архиерейском доме, и их отношение к многострадальному памятнику окончательно изменилось: «его начинают называть кремлем, он становится символом былой славы и величия Ростова» [11].

Деятельные горожане следующего поколения сумели в 1880-е гг. при участии Императорского Московского Археологического Общества провести профессиональные восстановительные работы. Делалась научная реставрация ради новой цели – открытия в брошенном церковниками памятнике доступного для всех категорий граждан музея. Огромная заслуга в разработке и ведении этого проекта принадлежит знаменитому общественному деятелю Ростова, как тогда говорили «любителю местной старины», Андрею Александровичу Титову. Он был внуком «одного из тех, кто в начале XIX века предотвращал разрушения кремлевских зданий». Человек, живший бедами и надеждами своего города, не дождавшись поддержки со стороны властей, догадался обратиться к купцам – уроженцам Ростова, а тогда жителям Томска братьям Евграфу Ивановичу и Всеволоду Ивановичу Королёвым с просьбой о помощи. И они откликнулись, ведь Ростов для них – хранилище самых важных, самых глубоких образов детства и юности. Связывали воедино воспоминания сооружения кремля. Королёвы выделили на реставрацию Белой палаты 6 тысяч рублей. Ее восстановление шло по чертежам и рисункам ростовца – купца и общественного деятеля Ивана Александровича Шлякова, ставшего «душой» этого дела [11].

Действительно, купцы задавали «тон и пример всему городу» [13]. Очень лестную характеристику дает им Иван Сергеевич Аксаков в письме брату Константину: «...все они интересны своими познаниями и стремлениями. Все они, как и мы, и, что замечательно, что ни в одном городе, кроме Ростова, я не встречал, – с совершеннейшею свободою, независимостью, самостоятельностью, безо всяких претензий и чопорности» [13]. Эту славную когорту возглавляли Титов, Шляков, Кекин. Среди десятитысячного населения города купцов и мещан было большинство. Они-то и числили себя истинными ростовцами. Многие из них вели дела в Петер-

бурге, Москве, Казани, как тогда говорили, на Уральской и Оренбургской линии, а капиталы могли достигать двухсот тысяч рублей [13].

Разносторонние интересы, тяга к познанию, широкие связи, значительные средства позволили не только спасти кремль, но и открыть в его стенах древлехранилище. Сейчас нельзя точно сказать, кому принадлежала столь судьбоносная идея. У удачных проектов всегда много отцов. Разные источники называют Дмитрия Александровича Булатова, Андрея Александровича Титова, графа Алексея Сергеевича Уварова, Ивана Александровича Шлякова.

Открытие музея состоялось 28 октября (10 ноября) 1883 г. в день памяти святителя Димитрия Ростовского, ставшего его небесным покровителем.

Ростовский музей церковных древностей был основан по инициативе местных членов Московского археологического общества [14]. Он управлялся комитетом, основанным в Ярославле. Комитет представлял отчет о своей работе и деятельности древлехранилища Археологическому обществу в Москве, а также публиковал его в «Ярославских губернских ведомостях». Протоколы и отчеты комитета утверждались Начальником губернии [15]. Организованный комитет выбирал среди своих членов тех, кто будет непосредственно следить за порядком и работой в музее. Выборные избирали «Правление». Музеем могли заведовать только выборные, по Уставу они занимали свою должность три года с правом переизбрания. К выборным должностям также относились следующие: председатель, казначей, секретарь, бухгалтер и ревизионная комиссия. «Комитет приглашает к участию в своих трудах и других лиц, с званием Членов Почетных и Членов Сотрудников» [15]. Этих званий заслуживали только те, кто сделал для Ростовского древлехранилища что-то значительное, и присуждались они не по желанию человека, оказавшего помощь, а по инициативе комитета. Так, в случае с художником В. В. Верещагиным в протоколе зафиксировали: «...комитет Ростовского Музея Церковных Древностей в изъявлении уважения к Вашим трудам по отечественной истории и археологии... избрал Вас, Милостивый Государь – единогласно в число своих Почетных членов» [16]. С 1885 по 1887 г. музей получил почетное покровительство членов императорской фамилии. И наследник цесаревич Николай Александрович и Великие князья Владимир и Сергей не оставили без внимания Ростов Великий. С 1886 г. Музей церковных древностей стал получать пособие от императорской фамилии, а с 17 сентя-

бря 1892 г. находился «под Августейшим Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича покровительством» [17; 18]. В апреле 1910 г. музей в Ростове получает статус государственного.

Так благое общественное дело получило узаконение со стороны государства. Только тогда у музея появились государственные гарантии, в том числе и финансовые. До этого времени капитал музея складывался из добровольных пожертвований и небольших денег, выделяемых Ростовской городской думой. Согласно третьему параграфу Проекта Устава, изыскивать и распоряжаться средствами должен был комитет. Часть средств, поступивших в музей от частных лиц, была неприкосновенным капиталом и хранилась в уездном казначействе либо по распискам, либо в листах Государственного дворянского земельного банка. В 1887 г. источники финансирования выглядели так:

- 1) «капитал, пожертвованный Его Императорским Высочеством... Цесаревичем Николаем Александровичем, в размере 1000 рублей;
- 2) от Киевского Митрополита Платона – 100 рублей;
- 3) от Епископа Иустина – 100 рублей.
- 4) от коллежского советника А. Л. Кекина – 100 рублей;
- 5) капитал, пожертвованный московским купцом И. С. Титовым, в 1041 рубль 91 коп.;
- 6) от Статс-Секретаря Ф. П. Корнилова 50 рублей.

Всего: 2391 рубль 90 копеек» [19].

В другие годы жертвователями были Статский Советник И. А. Вахромеев (3000 рублей) и никому не известный, на фамилии которого земля наша держится А. П. Иванов (10 рублей) [20].

Все эти люди разного статуса и положения в данном случае выступали как частные лица, как граждане, которым были безразличны история и культура страны.

На текущие расходы средств постоянно не хватало: «Содержать Ростовский Музей становится положительно нечем: Правление Музея должно поставщикам дров еще в прошлом году до 250 р., а на покупку дров в настоящем году средств никаких не имеется у Комитета... Кроме того, надо содержать прислугу – привратника и сторожа... делать нужные приспособления... витрин и мебели...» [21].

Но когда все проблемы разом захотел решить ярославский губернатор Б. В. Штюрмер, передав

музей в ведомство Министерства внутренних дел «с переустройством как административной, так и хозяйственной частей, с введением новых штатов и т. д.» [21], на защиту независимости древлехранилища встали его отцы-основатели. Они вели постоянную работу «по обеспечению государственных гарантий дальнейшего существования Ростовского музея при сохранении его независимости» [21]. Деятельные горожане опять осуществили задуманное: с 4 апреля 1910 г. по законопроекту Государственной думы ежегодно на свое содержание древлехранилище стало получать 2300 рублей.

С момента основания Ростовский музей постоянно развивался. Об этом свидетельствует его распространение внутри митрополичьего двора. Первоначально он размещался в отреставрированной Белой Палате и смежной с ней Отдаточной, спустя год к музею перешли Княжьи терема и Ионинская палата. Как только заканчивалась реставрация какого-то памятника, в нем поселялось древлехранилище. Именно поселялось, потому что любое созданное человеком сооружение должно жить вместе с человеком. В 1885 г., после реставрации, Садовая башня также перешла в ведение музея, а позднее в число помещений, закрепленных за ним, вошли Иераршие палаты. Постройки стали использоваться для других, отличных от первоначальных целей, но только благодаря этому изменению они продолжали жить.

В первые годы своего существования Ростовский музей имел церковно-исторический и этнографический отделы. Все имеющиеся у собирателей музейные предметы были выставлены.

Это была общая победа горожан, победа сложившегося гражданского самосознания в отдельно взятом небольшом русском социуме. Наследие предков они смогли сохранить вопреки равнодушию и безответственности высокопоставленных церковников и чиновников и стали настоящим противовесом деструктивным действиям церкви и государства.

После визита патриарха Кирилла в Ростов Великий осенью 2009 г. на уровне договоренностей между высокими религиозными и светскими властями было принято решение сделать город центром религиозного паломничества и в связи с этим устранить или свести к минимуму светскую составляющую музея и древнего города, а это исторически несправедливо.

Библиографический список

1. Каулен, М. Музей или храм? [Текст] / М. Каулен // Музейная экспозиция: сборник научных трудов. – М., 1997. – С. 87.
2. Виденева, А. Е. Ростовский Архиерейский дом и система епархиального управления в России VIII века [Текст] / А. Е. Виденева. – М., 2004. – С. 37.
3. Кривоносов, В. Т. Музей-заповедник «Ростовский Кремль» [Текст] / В. Т. Кривоносов. – М., 2001. – С. 80–87.
4. Никитина, Т. Л. Церковь Спаса на Сенях в Ростове Великом [Текст] / Т. Л. Никитина. – М., 2002. – С. 4.
5. Никитина, Т. Л. Церковь Иоанна Богослова в Ростове Великом [Текст] / Т. Л. Никитина. – М., 2002. – С. 5.
6. ГМЗРК. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 1, 2, 4.
7. Титов, А. А. Кремль Ростова Великого [Текст] / А. А. Титов. – М., 1905. – С. 60–64.
8. Шляков, И. А. Очерки по восстановлению Ростовского Кремля [Текст] / И. А. Шляков. – Ярославль, 1897 г. – С. 2.
9. Кельсиев, А. И. Записка об основаниях деятельности и Проект Устава историко-этнографического музея в Ростове Ярославской губернии [Текст] / А. И. Кельсиев. – М., 1884. – С. 11.
10. Брюханова, Е. В. В. В. Верещагин и Ростов [Текст] / Е. В. Брюханова // СРМ. – Вып. 5. – С. 143.
11. Титов, А. А. Отчет Ростовского Музея Церковных Древностей за 1885–1887 гг. [Текст] / А. А. Титов. – Ярославль, 1888. – С. 2.
12. Отчет Комитета Ростовского Музея Церковных Древностей за 1910 г. [Текст]. – Ростов, 1911. – С. 12.